

Глава 42. Примирение

Стоило Сян Сину увести Цзян Тана, как Фу Линцзюнь ощутил вокруг себя пугающую пустоту.

Хотя в трактирном зале туда-сюда сновало множество культиваторов, а за соседним столом двое с самого утра уже успели выпить и вовсю смеялись, до него не долетало ни звука.

Лишь когда через трактирную дверь вихрем ворвался юноша в фиолетовых одеждах, с серебряной короной и нефритовым поясом, а вместе с ним — величественный белый тигр, тишина наконец нарушилась.

Огромная тигриная морда обнюхала край стола, озадаченно посмотрела наверх, а потом обернулась к двери и протяжно рыкнула.

— Э? А где Сяо Бай? Опять ушёл играть с Сян Сином? — Е Чжэнвэнь влетел, будто на всех парах, но лицо у него было тревожное. Он бегло окинул взглядом стол и сел напротив.

Очевидно, к этим блюдам так и не притронулись.

— Угу, — отозвался Фу Линцзюнь.

— Брат Линь, насчёт того, что случилось прошлой ночью... — Е Чжэнвэнь начал шёпотом, потом огляделся по сторонам, шлёпнул на стол высокоуровневый талисман тишины и продолжил: — Раз уж брат Сян Син следил за Ци Цуньюем, выходит, ты и раньше его подозревал?

Почему Е Чжэнвэнь вообще об этом узнал? Потому что Хуай Чэнъинь, вернувшись, ворочался и не мог уснуть. А потом решил, что не ему одному мучиться бессонницей, и поделился новостью с Е Чжэнвэнем.

— Да, — спокойно ответил Фу Линцзюнь.

— Но главная проблема в другом — у нас нет доказательств!

Е Чжэнвэнь всю ночь не сомкнул глаз и теперь сидел с чёрными кругами под глазами, вяло подпирая голову ладонью и тяжело вздыхая:

— Вчера, как только я услышал рассказ Хуай Чэнъиня, сразу же пошёл к дядюшке. И знаешь, что он мне ответил? Сказал: «На полезное ты не годишься, зато в клевете и подставе первый». Я же вообще ни при чём! С какой стати мне подставлять этого Ци Цуньюя?

— Хотя ладно, сам виноват. За эти годы я столько наврал, что, если всё это связать в одну нитку, она протянулась бы от области Фуфэн до секты Ляньи и ещё обратно вернулась бы. И потом, чтобы человек вроде Ци Цунъюя вдруг пошёл по тёмному пути — ну это и вправду звучит невероятно. Если бы Хуай Чэнъинь не сказал, что рядом был и брат Сян Син, я бы сам решил, что он с Ци Цунъюем просто в личной ссоре и выдумал всё, чтобы меня обмануть.

— У Хуай Чэнъиня положение тоже незавидное. Мой дядюшка семьи Ци не боится, а у них дома... всё сложнее. Он уже как-то осторожно намекнул деду насчёт Ци Цунъюя, а тот в ответ так его отчитал, что тот до сих пор на дыбы встаёт. С тех пор он чуть ли не каждый день сидит у Ци Цунъюя на хвосте. Только вчера наконец что-то увидел.

— А теперь человек сбежал, поймать с поличным не удалось. Что нам делать? Отборочные Битвы Небесных Дарований начинаются уже завтра!

Под конец он почти распластался на столе, всем видом показывая, что жить больше не хочет.

— То, что он практикует тёмный путь, какое отношение имеет к нам? — равнодушно сказал Фу Линцзюнь. — Чем больше людей будет следить за Битвой Небесных Дарований, тем проще Ци Цунъюю будет выдать себя.

Е Чжэнвэнь, который всю ночь ломал над этим голову, моргнул. В глазах его, ещё секунду назад мёртвых от усталости, вдруг вспыхнул свет.

— Точно! Он же так любит рисоваться. Значит, наверняка останется в области Цянькунь и будет драться за одно из четырёх мест! — Е Чжэнвэнь резко сел прямо и с облегчением выдохнул. — Ай-я, если бы брат Линь меня не надоумил, я бы и этой ночью мучился. И правда, зачем я вообще так переживал? Какое мне дело? Этот Хуай Чэнъинь просто хотел поделиться бессонницей!

Как только мысль эта улеглась, молодой господин Е внезапно вспомнил, что голоден. Он жадно посмотрел на стол, к которому никто так и не притронулся, и облизнулся:

— Брат Линь... раз ты не ешь, я тогда съем?

Когда Фу Линцзюнь кивнул, он мигом выхватил из стаканчика палочки и тут же принялся за дело. Съев несколько блюд и хоть немного уняв голод, терзавший его изнутри, он наконец нашёл в себе силы снова заговорить.

— Странно. Сяо Бай же больше всего любит именно такие блюда. Почему сегодня он к ним даже не притронулся? — жуя мясо, сказал он. — Кстати, вчера он тоже почти ничего не ел. Ты что, брат Линь, решил, что он слишком растолстел, и посадил его на диету?

Совсем не растолстел, подумал Фу Линцзюнь. Если мысленно снять с маленького зверя этот

пушистый облик, юноша внутри был стройным, с ладным, пропорциональным телом.

Увидев вчера, что пушистый комочек взбрыкнул и обиделся, Фу Линцзюнь наконец понял, зачем вообще купил детёныша огненного тигра.

Он просто не был уверен.

Не был уверен, нравится ли ему бесстрашный пушистый комочек как таковой или же душа, скрытая внутри него.

А может, и то и другое. Он и сам не знал.

Злой дух, увешанный мстительными душами, не способен привлечь ни одно живое существо. Фу Линцзюнь был запечатан в долине Тяньбэй тысячи лет и давно привык к этому безлюдному, пустому миру. Потому, когда к нему впервые приблизился маленький зверёк с чисто-белой душой, полный тепла и радости, в его сердце зародилось любопытство.

А позже этот зверёк раз за разом вытаскивал его божественное сознание с самого края гибели. Первоначальное любопытство понемногу превратилось в смутную, ещё неуверенную радость. Ему стало казаться, что всякий раз, как он видит его, сердце утихает и находит покой.

Именно он принёс в запечатанную на тысячи лет долину Тяньбэй запах человеческого мира. Именно он стал пристанищем для души, давно привыкшей к одиночеству.

Но эта радость оборвалась в тот миг, когда он превратился в человека.

Если Фу Линцзюнь ещё мог научиться заботиться о зверьке, то как обращаться с человеком, у которого есть собственные мысли и собственная воля, выходило далеко за пределы всего, чему он мог бы научиться.

Ему предстоит идти в ад. А юноша слишком чист.

Наверное, быть рядом со злым духом — вовсе не счастье.

* * *

Когда Цзян Тан с Сян Сином поели и вернулись в трактир, Фу Линцзюня как раз не было. Он пошёл с Сян Сином в комнату и от нечего делать принялся играть со всем ворохом плетёных игрушек на постели.

Круглый белый комочек перевернулся на кровати.

Что сейчас делает Фу Линцзюнь? Завтра уже Битва Небесных Дарований. Значит, скоро он потащит тех нескольких младших на утёс Жисы и там зарежет?

От одной этой мысли настроение у Цзян Тана стало ещё хуже.

Вот если бы все эти младшие были плохими людьми, тогда ладно. Но беда в том, что, пока он набирал с ними очки симпатии, ему успело показаться: все они вполне неплохие.

Люди ведь существа эмоциональные. Если долго общаешься, хочешь не хочешь, а хоть какая-то привязанность появляется. И стоило представить, как Фу Линцзюнь невозмутимо двигает сюжет вперёд, а Цзян Тану остаётся только смотреть, как несколько людей, к которым он уже успел привязаться, умирают у него на глазах, как в груди становилось так тяжело, будто хотелось просто нажать кнопку «выйти».

Болтаться у босса ленивой подвеской и правда неплохо. Пусть великий босс сам идёт двигать сюжет, а он останется дома с Сян Сином сторожить хозяйство. Всё равно Сян Син не может притвориться моложе двадцати пяти и участвовать в Битве Небесных Дарований, а сам он и вовсе боевой ноль.

Цзян Тан разложил у себя в голове всё предельно ясно. И потому никак не ожидал, что уже тем же вечером Фу Линцзюнь просто возьмёт его на руки и унесёт к себе в комнату.

Мягкий белый пёсик пару раз яростно подёргался, но держал его Фу Линцзюнь. Сколько ни вырывайся, толку никакого. Потому он перестал сопротивляться и попросту лёг на руках мёртвым грузом.

Затем Фу Линцзюнь положил его рядом с тем знакомым изголовьем, а сам развеял белоснежную собачью форму.

Цзян Тан отвернулся и демонстративно подставил ему спину.

Фу Линцзюнь протянул руку и тронул его хвост.

Большой хвост, пушистый как облако, раздражённо метнулся из стороны в сторону, явно не желая, чтобы его трогали. Но Фу Линцзюнь сегодня был на редкость терпелив. Он довольно долго играл с ним в эту бессмысленную игру, пока наконец Цзян Тан не устал и хвост у него безвольно не обмяк за спиной.

Тогда большая ладонь мягко, не спеша провела от его ушей до самого кончика хвоста.

Ему так давно не чесали уши и хвост, что по телу тут же пошла сладкая ватная слабость. Хотелось сбежать, но приятно было всё-таки больше. Из последних сил сдерживая желание завилать хвостом, он притворился неподвижным и лёг как ни в чём не бывало.

— Да Баю очень понравился тот детёныш огненного тигра, — вдруг без всякой связи произнёс Фу Линцзюнь. — Как раз самец и самка.

Цзян Тан, который до этого лежал и покорно терпел ласку: ?

С каких это пор детёныш огненного тигра оказался у Е Чжэнвэня? Что это вообще значит?

Хотя Цзян Тан, проигравший драку, всё ещё дулся, и ему было ужасно любопытно, почему тигрёнок вообще достался Е Чжэнвэню, он всё равно сдержался и не обернулся.

Фу Линцзюнь тоже ничего больше не сказал, только ещё раз погладил его по голове и вернулся к своим делам.

Лишь услышав, как за спиной тихо зазвенели звуки водяного зеркала, Цзян Тан украдкой обернулся.

Тс-с... Что это с великим боссом сегодня? И вдруг такой мягкий. И зачем он вообще принёс его сюда и сказал такое? Это что, извинение? Или объяснение?

Или ему показалось? Но почему, едва не видя босса всего один день, он словно заметил, что тот похудел? Точнее, не похудел, а как будто стал каким-то не таким бодрым?

Цзян Тан не понял и решил не ломать голову. Перевернулся и уснул.

Лунный свет светлел. Скопившаяся на ветке за окном влага собралась на самой верхушке в прозрачную жемчужину.

И когда та уже не удержалась, капля сорвалась вниз и с тихим звуком ударилась о раму.

Кап. Кап.

Ночь стояла уже глубокая.

Цзян Тан был из тех, кто способен заснуть где угодно. Но этой ночью сон у него всё не шёл. Он переворачивался с боку на бок уже несколько раз. Внутри было как-то беспокойно. Всё тело отчаянно хотело спать, а сознание упорно не позволяло себе провалиться в сон. Отвратительное чувство.

Интересно, есть ли в этом мире снотворное? В следующий раз увидит Шэн Исюэ — велит Сян Сину спросить.

Если только Сян Син вообще поймёт, что такое снотворное.

— Кх...

Большие пушистые уши чуть дрогнули.

— Кх... кх-кх...

Сначала кашель был сдержанным и тихим, но потом его хозяин словно больше не смог терпеть, и кашель пошёл всё сильнее.

Звук доносился из комнаты. Совсем рядом.

Это был Фу Линцзюнь.

Цзян Тан резко открыл глаза и перевернулся, чтобы взглянуть.

Холодный белёсый лунный свет просачивался сквозь полог и падал на лицо Фу Линцзюня. На лбу блестела тонкая испарина, а лицо, и без того белое, сейчас было совсем как лист бумаги.

Если прежде Фу Линцзюнь напоминал клинок, вынутый из ножен, — весь резкий, угрожающий, пронзительный, — то теперь эта острота стала лишь упрямой маской. Будто гладкий белый фарфор с блеском топлёного снега покрылся тонкими трещинами и ещё миг — рассыплется.

Красавцу... нехорошо?

Цзян Тан внезапно вспомнил, что вечером, когда Фу Линцзюнь пришёл за ним, он уже тогда выглядел безжизненно, шагал как на пустых ногах, будто всё время заставлял себя держаться.

В груди у него словно кто-то мягко сжал сердце. Не больно, но тоскливо до ломоты.

— Кх... — Фу Линцзюнь кашлянул снова. Пот стекал в его чёрные волосы, и от этого он казался ещё более хрупким, ещё более беспомощным.

Комната тонула во мраке. Только полоска луны прорезала полог, и Цзян Тан никак не мог толком разглядеть его лицо.

Он подполз поближе.

— Иу-у... — Красавец, что с тобой? Почему тебе так плохо?

Мягкий комочек потёрся о него и лапой дотронулся до лба.

Под подушечкой лапы было холодно и мокро.

Цзян Тан опустил взгляд на холодный пот, оставшийся на его лапе, и на миг растерялся, не зная, что делать.

Он смутно помнил: в долине Тяньбэй у Фу Линцзюня уже однажды так болела голова. Что тогда сделал он сам? Залез к нему в объятия?

Пушистый комочек не стал долго думать. Вцепился в одежду Фу Линцзюня и полез к нему на грудь, а потом, будто опасаясь, что этого мало, забрался ещё глубже и всем телом распластался на его обнажённой груди.

Тук. Тук.

В полной тишине комнаты Цзян Тан оказался совсем близко к сердцу Фу Линцзюня.

Сердце вроде бы должно быть самым тёплым местом в человеке, но тело Фу Линцзюня сейчас было холодным, будто у мертвеца. Если бы не сильные, ровные удары сердца под ним, Цзян Тан и вправду подумал бы, что тот умер.

Он пролежал у него на груди довольно долго. Но на этот раз Фу Линцзюнь не открыл глаза, не сел и не прижал его к себе, как раньше. Лицо его лишь становилось всё бледнее.

Возникало чувство, будто он умирает.

А ведь Цзян Тан уже однажды видел смерть Фу Линцзюня в лицо. Тогда, по какой-то нелепой случайности, умирающий Фу Линцзюнь втянул его в духовное слияние, и после этого он понемногу пришёл в себя. Цзян Тан не понимал, как именно всё это работает. Но сейчас тело Фу Линцзюня не превращалось в чёрный кокон, значит, нынешний случай был другим. Раз в прошлый раз он смог помочь, то теперь, возможно, уже нет.

Что делать? Выбежать позвать Сян Сина? Или пусть Сян Син сходит за Шэн Исюэ? Всё-таки та лекарь, может, хоть чем-то поможет?

Нет. Тянуть больше нельзя.

Цзян Тан выбрался из объятий Фу Линцзюня и сразу же собрался спрыгнуть с кровати.

И в этот момент застыл у самого края.

И босс, и Сян Син слишком его баловали. Каждый раз, когда надо было куда-то подняться или спуститься, его либо несли, либо снимали на руках. Сам он ещё ни разу не слезал.

Белый круглый комочек, который до ужаса боялся высоты, постоял на краю ровно секунду.

А потом всё же героически прыгнул.

Растолстевший Цзян Тан приземлился совсем не изящно. Передние лапы, и без того болевшие, не выдержали такого удара, подогнулись, и он кубарем покатился по полу, прежде чем наконец сумел остановиться.

Впервые в жизни Цзян Тан так яростно ненавидел своё крошечное тело. Когда он, едва волоча лапы, наконец доковылял до двери, сил у него уже почти не осталось, а открыть эту наглухо запертую дверь он всё равно не мог.

Маленький комочек несколько раз ударился о створку, от чего всё тело заболело ещё сильнее. В конце концов сил совсем не осталось, и он только плюхнулся на пол и тихо заревел, жалобно поскуливая.

Карауливший в соседней комнате Сян Син услышал его и остановился у двери.

Чтобы не перебудить весь трактир, он присел и тихо позвал:

— Сяо Бай.

— Иу-у-у! — Цзян Тан снова толкнул дверь, давая понять, чтобы тот вошёл.

Разумеется, Фу Линцзюнь поставил на дверь барьер. Но барьер предназначался для чужих и Сян Сина не сдерживал.

Просто Сян Син всегда отличался почтительностью и без прямого разрешения хозяина не входил в его личное пространство.

— Иу! — Скорее заходи! Боссу Фу совсем плохо!

Пушистый комочек внутри комнаты носился кругами от тревоги.

Здоровяк, который и послушаться хозяина не смел, очень долго мялся под дверью. Наконец он чуть приоткрыл её, оставив узкую щёлку, и заглянул внутрь одним глазом.

— Сяо Бай, не бойся, — прошептал он.

Увидев, что дверь открылась, Цзян Тан припустил к кровати, на бегу оглядываясь на Сян Сина и всем своим видом умоляя: скорее сюда.

Сян Син понял. Вспомнив, как выглядел хозяин утром, он наконец пренебрёг запретом и осторожно вошёл.

Температура тела Фу Линцзюня продолжала медленно падать.

Совершенно обезумевший от страха Цзян Тан вцепился зубами в сапог Сян Сина, пытаясь дать понять: пусть тот бежит за Шэн Исюэ. Или хотя бы за тем болваном Е Чжэнвэнем. Да, язык у него поганый, но он всё-таки молодая золотая молодёжь. Позвать лекаря ему бы труда не составило!

Но, подумав об этом, Цзян Тан вдруг вспомнил настоящее лицо Фу Линцзюня, которое тот сейчас не скрывал.

Нет, нельзя. Даже если Е Чжэнвэнь с остальными не знают, кто такой Фу Линцзюнь, одного только вопроса, почему он сменил лицо и под именем Линь Шэна сблизился с ними, уже хватит, чтобы всё сразу стало трудно объяснить.

Завтра начинается Битва Небесных Дарований. И как бы ни не хотелось Цзян Тану, чтобы с ними что-то случилось, он не имел права рушить план Фу Линцзюня.

— Иу-у... — Здоровяк, ну придумай уже что-нибудь!

Стоило Сян Сину приблизиться, как он сразу почувствовал состояние Фу Линцзюня. Прямо сейчас он видел ясно: даньфу[1], истощённое до дна и к тому же лишившееся половины изначального духовного пламени, было в полном беспорядке.

Будь пламя целым, Фу Линцзюнь сумел бы довольно быстро восстановить духовную силу. Но сейчас само пламя было повреждено и едва справлялось с собой, а при превращении Цзян Тана в человека ещё и потеряло слишком много сил, поэтому состояние его тела становилось всё хуже.

Сян Син посмотрел на бусину, висевшую на шее Цзян Тана и слабо мерцавшую огнём.

Он поднял пушистый комочек. Сначала хотел было сорвать эту бусину и вернуть хозяину, но, протянув руку, сразу же понял: хозяин наверняка не хотел бы, чтобы он это сделал. Потому он просто вместе с бусиной и зверьком опустил его на даньфу хозяина.

Цзян Тана целиком подняли и мягко прижали к животу Фу Линцзюня.

Пушистый комочек мгновенно вздыбил шерсть.

— Иу! — Н-нет, погоди, почему именно так?!

Да, возможно, он сейчас просто всё не так понял, но место и правда было невероятно... неловким. А Сян Син ещё и не давал ему поднять голову. Бог знает, что он вообще там делает. Так что Цзян Тан лежал мордой вниз, ощущая всем грудным мехом, как бусина у него на шее упирается в низ живота Фу Линцзюня.

И это было очень, очень неловко.

Во всех смыслах.

Цзян Тан старался съёжиться как можно сильнее, лишь бы не задеть чего не надо. Теоретически, конечно, пушистые комочки не умеют краснеть. Но, распластавшись на прессе Фу Линцзюня, он чувствовал, что уши у него сейчас просто полыхают.

Жарко. Очень.

В прозрачной бусине, которую держала красная нить, дремавшее от слабости изначальное духовное пламя вдруг приблизилось к своей второй половине и понемногу стало пробуждаться. Они были разделены, но всё равно чувствовали друг друга. А сейчас их разделял лишь слой одежды, и находились они так близко.

Силы двух половин изначального пламени начали медленно перетекать друг в друга внутри тела Фу Линцзюня.

На слегка колыхавшемся пологе незаметно проступил силуэт золотисто-алого феникса, и вся комната налилась мягким светом.

Цзян Тан лежал так близко, что ясно почувствовал: человек под ним больше не ледяной. Он понимал, что Сян Син делает всё это не без причины, а потому перестал думать о том, насколько позорна сама поза, и очень добросовестно старался держать бусину у себя на шее как можно плотнее прижатой к телу Фу Линцзюня.

В конце концов к неловкости тоже можно привыкнуть.

Да, место, на котором он лежал, было не самым удачным. Но от тела красавца исходил тот самый особенно усыпляющий, холодный и чистый аромат. А после того как он стал зверьком, Цзян Тан научился есть много и спать ещё больше. Сейчас его и правда клонило в сон. Веки всё тяжелели, пока он наконец не уснул.

Этот сон оказался особенно сладким.

Сладким настолько, что на следующее утро, когда Фу Линцзюнь, восстановив во сне часть духовной силы, открыл глаза, Цзян Тан всё ещё лежал на его животе в той самой до смешного неловкой позе и даже пускал во сне слюни.

Фу Линцзюнь, который и не такое повидал: ...

Низ живота внезапно неприятно напрягся.

Он весь застыл и ещё долго смотрел на этот пушистый комочек, прежде чем наконец протянуть руку и поднять спящее существо.

Цзян Тан, вообще-то решивший не участвовать в Битве Небесных Дарований, ещё во сне был унесён Фу Линцзюнем навстречу сюжету.

Когда он наконец проснулся окончательно, оказалось, что вокруг уже тянутся бескрайние горы. Он высунул голову из объятий Фу Линцзюня и впереди увидел Е Чжэнвэня, а позади — одного за другим Шэн Исюэ, Сун Цзиньяо и Хуай Чэнъяня.

Два сильнейших, по общему мнению, участника отвечали за авангард и арьергард. Линь Шэн и Сун Цзиньяо, которых ещё с натяжкой можно было считать боевой силой, шли по бокам, прикрывая лекарку Шэн Исюэ, державшуюся в середине.

Шэн Исюэ, разумеется, пришла на Битву Небесных Дарований не ради очков. В охотничьей зоне было всего четыре места для выхода в следующий этап, и при формировании отряда они сразу условились: Шэн Исюэ отвечала за поддержку и лечение, а очки остальные четверо делят поровну, чтобы потом всем вместе пройти в финал.

Цзян Тан только проснулся, голова у него ещё немного гудела, как вдруг перед самым носом возник круглый красный плод.

Он поднял глаза. Это Фу Линцзюнь невесть откуда вытащил фрукт и собирался его покормить.

Цзян Тан: ...

Почему-то ему показалось, что в этом жесте великого босса было что-то подозрительно знакомое.

А в следующую секунду, увидев, что зверёк не реагирует, Фу Линцзюнь достал ещё и плетёную бабочку и помахал ею перед его мордой.

Цзян Тан: ...

[1] внутреннее «хранилище эликсира» / духовный центр внутри тела, где накапливают и возвращают духовную энергию, а затем превращают её в более высокую силу

<http://bllate.org/book/17032/1639361>